

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН



исторический роман

Адмирал ДЕ РЮЙТЕР

Владимир Виленович Шигин
Адмирал Де Рюйтер
(Собрание сочинений)
Серия «Великие флотоводцы мира»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200781

Адмирал Де Рюйтер: Горизонт;

Аннотация

И сегодня имя этого человека мало кто знает из наших соотечественников. Это в высшей степени несправедливо. Адмирал Михаил де Рюйтер – великий нидерландский флотоводец и великий гражданин своей страны, он был и остался для всего мира не только образцом непревзойденного морского воина, но и личностью, наделенной самыми высокими человеческими качествами. За талант и неизменную удачу голландцы уважительно именовали его Серебряным адмиралом, а матросы с любовью звали отцом.

Именно этому человеку принадлежит честь первого применения знаменитых кильватерных колонн, тех, что и до настоящего времени являются основой всех тактических построений флотов мира. Именно его ученики стали впоследствии учителями первых российских моряков, а Петр Великий не только почитал героя нашего повествования первым среди моряков всех наций, но, изучая его подвиги, старался приумножить его деяния.

А потому, говоря о Голландии века семнадцатого, мы будем помнить, что без нее могло не быть России века восемнадцатого, а без громких побед великого голландца, возможно, не состоялись бы Гангут и Эзель, Гренгамн и Чесма...

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	36
Глава четвертая	46
Часть вторая	54
Глава первая	54
Глава вторая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Шигин

Адмирал Де Рюйтер

© Владимир Шигин

Часть первая

От юнги до адмирала

Глава первая

Сын трактирщика

На заре семнадцатого века Голландия пребывала в самом зените своего великолепия. Весь мир жаждал ее товаров, и весь мир свозил сюда свои богатства. Тогда без тени сарказма говорили: "Если Европа – это драгоценное кольцо мироздания, то Антверпен – крупнейший из бриллиантов в нем!"

Голландцы заполнили мировой рынок добротным сукном и первоклассной шерстью, крепким пивом и, источающими слезу, сырами. Ловкие и предприимчивые, они за несколько лет сбивали себе умопомрачительные капиталы. Преуспевающие буржуа и торговцы, банкиры и ростовщики уже всю нанимали к себе в услужение вчерашних хозяев жизни – дворян. Голландские женщины, избалованные деньгами и заморскими дарами, не отличались излишней нравственностью, а каждый второй мужчина был моряком. Нищих и голодных в Голландии в ту пору не существовало. Может именно поэтому голландские живописцы более всего любили изображать в своих натюрмортах груды сочной

и благоухающей пищи, от одного взгляда на которую даже, только что оторвавшийся от стола, обыватель глотал слюну.

Голландия процветала, но чем больше она процветала, тем больше ее ненавидели. Автор «Робинзона Крузо» английский писатель и по совместительству разведчик Даниель Дефо, не без зависти называл голландцев "брокерами и маклерами Европы»: «Они покупают, чтобы снова продать, берут, чтобы отдать, и большая часть их обширной коммерции заключалась в том, чтобы доставить товары со всех частей света, а затем снова обеспечить ими весь мир».

Что поделатъ, богатый и удачливый сосед всегда вызывает жгучую зависть. Но голландцев это, казалось, нисколько не смущало, их гигантский торговый флот бороздил воды всех океанов, а амстердамская биржа неутомимо и методично переваривала все новые и новые миллионы гульденов... Такой была родина нашего героя к моменту его появления на свет.



*Крестьяне играют в карты в таверне, 1650,
Adriaenssen, Vincent*

Как гласят старинные хроники, он родился в восемь часов утра 24 марта 1607 в небольшом голландском приморском городке Берген-оп-Цоом в семье не слишком зажиточного продавца пива и был четвертым из его детей. Звали торговца пивом Адрианом. В свое время он немало поплавал матросом на торговых судах, сумел скопить сотню-другую гульденов и, осев на берегу, занялся пивом. Дел шли не слиш-

ком хорошо и отец семейства, чтобы прокормить большую семью, не гнушался никакой работой. Очередного своего сына он решил именовать Михаилом, в честь весьма почитаемого им святого и в память своего деда со стороны отца. В семье же новорожденный был прозван попросту Рюйтером. Так звали когда-то деда с материнской стороны. Под именами двух своих дедов сын продавца пива и войдет в мировую историю.

Дед Михиэла де Рюйтера был крестьянином. Когда испанские солдаты спалили его двор, в пожаре едва не сгорел малыш Адриан, будущий отец Михиэла. Лишь в последний момент мать выхватила ребенка из люльки. В 1561 году дед пошел воевать за свободу. Хотел было стать солдатом и Адриан, однако в 1609 году, когда Михаилу только-только исполнилось два, с Испанией было заключено перемирие. Адриан де Рюйтер перебрался во Флиссинген, где нашел работу возчика пива и едва сводил концы с концами.

Детство мальчишки прошло среди чанов с варящимся пивом, а потому запах бродящего солода стал для него самым родным. Как и все голландские дети, зимой сын Адриана гонял на коньках по заледенелым прудам, а летом там же участвовал в бесконечных шлюпочных гонках. Не по годам здоровый и сильный, помогая отцу, мальчишка таскал на себе тяжеленные пивные бочки. Смелость, доходящая порой до безрассудства, обеспечивала юному Рюйтеру не только ежедневные драки со сверстниками, но и ежедневную порку до-



Рыбный рынок в голландском городке

Однажды, поспорив с друзьями, он взобрался по строительным лесам на городскую колокольню. Однако, пока лез, рабочие убрали леса и ушли. Внезапно для себя Рюйтер оказался на покато́й и скользкой крыше без всякой надежды на спасение. Высота была большая, и счет его жизни шел на минуты. Бывшие внизу прохожие, увидев мальчишку на крыше колокольни, оцепенели. Однако, не растерявшись, Михаил

разбил каблуком черепицу и сумел пробраться сквозь крышу и чердак. Наградой за свершенный подвиг стала очередная порка.

Едва Рюйтеру минуло десять, отец созвал семейный совет.

– Хватит попусту есть родительский хлеб! – сказал он сыну. – Пора становиться самостоятельным!

Мать Аллида Жаксов лишь горестно всплакнула, но промолчала. Слово главы семьи было для всех законом, к тому же дети в ту пору вообще рано выходили в самостоятельную жизнь.

– Для начала пойдешь на канатный завод братьев Лампсонов подмастерьем прядильщика! А там будет видно, на что ты способен! – объявил сыну свое решение отец.

– Я непротив! – пожал плечами мальчишка. – Прядильщиком, так прядильщиком!

Работа в канатном цеху никогда не была из легких, однако Рюйтер быстро освоил премудрости ремесла, крутил без усталости канатные колеса и вскоре уже приносил в конце дня домой по шесть су, сумму по тем временам достаточно сносную. Однако вспыльчивый и прямолинейный характер мальчишки и здесь был причиной столь частых драк, что канатный мастер Петерс, в конце концов, отказал ему в месте.



Кухня, 1560-65, Aertsen, Pieter

– Мне надоело выслушивать бесконечные жалобы и видеть расквашенные носы! – заявил он драчливому подмастерью и тотчас выгнал его прочь.

Михаил встал перед нелегким выбором куда податься. Возвращаться домой он не хотел. Дела у отца шли в это время совсем не важно, и лишний рот был ни к чему. Впрочем, Рюйтер раздумывал не долго.

В ту пору голландский торговый флот бороздил моря всего света, а потому нужда в матросах была большой. И пусть многие из них ежегодно гибли в штормах и умирали от всевозможных болезней, желающие идти в океан не переводились.

Голландский биограф де Рюйтера А. ван дер Мор пишет: «Четвертый из 11 детей, Михель был мужественным, предприимчивым и честолюбивым.

Позднее он говорил, что в юности «не желал ничего, кроме моря». В 1618 году он поддался этому зову, впервые ступив на палубу корабля в качестве юнги в возрасте 11 лет. Так более чем скромно началась карьера, в ходе которой, если процитировать великолепную биографию де Рейтера, написанную Реверендом Герардом Брандтом спустя всего 10 лет после смерти адмирала, «юнге было суждено подняться по ступеням лестницы к самым вершинам морской службы, испытывав все опасности от моря и врагов».

В один из дней жители флегматичного Флиссингена стали свидетелями достаточно редкой для этих мест картины: по городской набережной, перепрыгивая через бочки, ящики и груды сыров, изо всех сил мчался полуодетый мальчишка с башмаками в руках. Вот он уже у уреза воды. Жадно хватая ртом воздух, он несколько мгновений смотрит на выходящий из порта торговый галиот. На судне уже поставлены паруса и обрасоплены реи, слышно как натужно скрипит кабестан, то матросы, торопясь, выхаживают якорь. Недолго думая, мальчишка прыгает в первую попавшуюся шлюпку, отвязывает фалинь, вставляет в ключины весла. Сзади кто-то что-то громко кричит. Мальчишка оборачивается. Потрясая кулаками, к нему бежит здоровенный негр. Шлюпка не успевает отойти, как негр уже в ней и хватается мальчишку за ухо.

– Зачем ты хотел украсть мою шлюпку! – продолжал он кричать в ярости, тут же начав крутить толстыми пальцами

уху неудачливому угонщику. – Я отучу тебя навсегда воровать чужие лодки!

Отвесив нескольких хороших подзатыльников, негр успокоился.

– Ведь ты бы мог утонуть как кошка, глупый несмышлёныш! – закончил он свою воспитательную беседу, сопроводив тираду еще одной оплеухой.

Почувствовав, что железная хватка несколько ослабла, мальчишка вырвался из рук владельца шлюпки и, важно сев на банку, скрестил на груди руки, окинув негра презрительным взглядом:

– Кто ты таков, чтобы указывать мне?

От такой неслыханной наглости негр даже остолбенел:

– Кто я? Я матрос вон с того судна, что снимается сейчас с якоря. Там меня ждут, а потому беги отсюда, благословляя судьбу, пока я еще раз не огрел тебя чем-нибудь!

Но мальчишка был тоже не лыком шит.

– Если ты матрос с того судна, то я юнга с него! – пожал плечами маленький нахал с удивительным хладнокровием.

Негр насторожился.

– С каких это пор наш капитан имеет честь иметь такого юнгу? – спросил он затем с явным недоверием.

– С тех самых, с каких ты сам имеешь честь быть там матросом! – тут же получил он достойный ответ.

Теперь негр несколько успокоился.

– Я поступил на "Святой Иоанн" третьего дня! – сказал

он уже вполне доброжелательно.

– А я вчера! – невозмутимо ответил ему маленький собседник.

– Тогда поторопимся, пока нам обоим не попадет за опоздание!

Негр взялся за весла, и шлюпка быстро пошла к судну. Когда до галиота оставалось уже совсем немного, мальчишка внезапно разрыдался и, жалобно глядя на своего чернокожего спутника, торопливо заговорил, глотая слова:

– Хорошо, что вы меня взяли, ведь оставить меня на берегу было бы большим грехом. Вы очень добры и я буду всегда вам во всем помогать, если вы меня возьмете с собой!

Только теперь, усердно работающий веслами матрос понял, как ловко он был обманут маленьким пройдохой.

– Негодяй! Ты надо мной смеешься! Ну-ка говори кто ты и откуда! А иначе я тебя прихлопну как клопа!

Негр схватил румпель и занес его над головой мальчишки. Но тот нисколько не испугался, а, вытерев слезы, показал вконец разгневанному матросу на галиот:

– Видишь, на нем уже висит флаг начать движение! А теперь глянь на нашу шлюпку! Пока ты будешь меня лупить, ее отнесет далеко в сторону. В результате чего ты просто-напросто не успеешь к себе на судно!

Негр наморщил лоб. Он стоял перед сложной дилеммой. Отвезти мальчишку на берег он уже явно не успевал.

– Ладно! – сказал он, подумав. – Я отвезу тебя на судно, и

пусть там уже капитан сам решает, что с тобой делать дальше, а я умываю руки!

– Где это ты выискал нового пассажира? – кричали, свесившись вниз, матросы.

Капитан, выслушав негра, тут же обругал его последними словами.

– Где этот маленький негодяй? – спросил затем капитан. – Тащите его ко мне!

Однако мальчишки нигде не было. Наконец, его обнаружили на грот-марсе, куда он быстро и ловко сумел залезть. Довольные неожиданным развлечением, матросы уже весело подбадривали смелого сорванца.

– Боцман, стащи его оттуда! – велел капитан.

Но не тут-то было. Едва боцман поставил ногу на первую выбленку, чтобы полезть на марс и схватить непокорного, как тот, догадавшись в чем дело, быстро начал карабкаться выше и вскоре очутился на ноке брам-реи. Матросы были буквально восхищены смелостью мальчишки. Глядя на всю картину, подобрел и капитан.

– Из этого малого выйдет славный юнга! – сказал он уже вполне миролюбиво. Отдуваясь, спустился вниз и боцман.

– Я узнал мальчишку. Это сын пивного торговца Адриана. Его не пускали на морскую службу, а потому, видимо, он сбежал к нам из дома. Кто хочет поймать его, пусть покажет нам свою ловкость!

– Пожалуй, попробую я! – отозвался какой-то долговязый

матрос. Поплевав на руки, он ловко стал взбираться вверх по вантам. Мальчишка, видя, что теперь его вполне смогут схватить, обхватил руками нок реи, спустил ноги и, повиснув над водой, закричал, что было силы:

– Если вы меня не оставите я брошусь в море! Лучше утонуть, чем жить на берегу!

Столь серьезный аргумент произвел должное впечатление на стоявших на палубе матросов. Тем временем галиот уже огибал мыс со сторожевым постом. Капитан с боцманом спустились в каюту, и скоро боцман вышел оттуда с запиской. Все с интересом ждали дальнейшего развития событий.

– Обстенить паруса и шлюпку на воду! – раздалась команда.



*Бурное море с голландской яхтой под парусом, 1694,
Bakhuysen, Ludolf*

На шлюпке к сторожевому посту боцман отправился лично. Он запиской известил родителей, что капитан решил взять их настырного сына с собой. Все свидетели этой сцены были в полном восторге, а особенно главный ее виновник. Однако слезать с мачты мальчишка все же не торопился. Он очутился на палубе не раньше, чем шлюпка вернулась обратно, была поднята, а галиот отошел от берега на более чем приличное расстояние от него. Команда обступила ге-

роя дня, смеясь и подбадривая.

Произошло это достопамятное для истории событие 26 декабря 1618 года.

Первый же рейс в Северное море убедил маленького Рюйтера в правильном выборе пути. Морское дело, несмотря на качку и тяжкий труд, лишения и опасность, пришлось ему по душе. Разумеется, что первое время было не просто. На судах с юнгами не нянчились, и снисхождения на малолетство никто не делал. Учили, кто окриком, а кто и зуботычиной. Однако учили крепко и быстро.

Наверно самым близким человеком для малолетнего юнги стал в это время на судне его невольный перевозчик негр Жан Компани (по другим источникам его звали Кан-Гуэ). Некогда увезенный работорговцами с родины, он затем принял христианство и, сумев каким-то образом освободиться, плавал теперь на судне стюардом капитана. Сердобольный Жан, жалея мальчугана, всегда старался приберечь для него лишний кусок, приободрить и приласкать. В ответ мальчишка платил ему своей преданностью. Два одиноких человека стали большими друзьями. И теперь, каждый из них не мог пробыть без другого и нескольких часов.

Иногда и Рюйтеру приходилось утешать своего черного друга, когда тот попадался под тяжелую руку капитана. Доверчивый и наивный Компани порой становился жертвой довольно жестоких матросских шуток. То кто-то, уловив момент, бросал в офицерский котел с чаем старый сапог, то

подсовывал обсыпанные сахаром смоляные шарики в тесто, предназначенное для капитанских оладий. За все эти преступления приходилось держать ответ, конечно же, стюарду.

Первый рейс маленького Рюйтера был к африканскому острову Горею, что у берегов жаркой Сенегамбии.

В один из дней во время полного штиля, когда матросы, мучимые бездельем, слонялись без всякого дела, старый рулевой объявил, что готов предсказать каждому его судьбу. Первому, известному пьянице, он сразу же заметил, что тот еще выпьет больше бочек рому и пива, чем когда-либо набивал свои карманы звонкими шиллингами. Второму было сказано более туманно:

– В конце года ты спустишься с нока реи в самый глубокий интертрюм!

Когда же тот выразил недовольство по поводу непонимания столь заумных метафор, старик рулевой его мрачно успокоил:

– Не торопись, придет твое время, узнаешь!

Сидевшие тут же, Компани с Михаилом тоже изнывали от нетерпения узнать свое будущее. Наконец, корабельный вещун подозвал к себе негра. Поглядев на него, сказал:

– Ты не так прост, как кажешься. Сейчас ты пляшешь под чужую дудку, но минует лет двадцать, и уже под твою дудку станут плясать другие. На голове же твоей будет уже не просмоленная шляпа, а нечто иное, сверкающее, может быть даже корона!

Последняя фраза вызвала дружный хохот столпившихся вокруг матросов. Смеялся до слез даже стоявший несколько поодаль капитан. Затем он вытер платком глаза:

– А что ждет нашего бравого юнгу?



*Пирс Mosselsteiger в порту Амстердама, 1673,
Bakhuysen, Ludolf*

Подозвав к себе Михаила, рулевой долго смотрел в его глаза, затем столь же внимательно и долго разглядывал ладони и лоб, наконец, заставил даже высунуть и показать свой язык. Помолчав немного, как бы раздумывая, рулевой обернулся к стоявшим рядом матросам:

– Дайте свайку!

Взяв ее в руки, он резко подкинул заточку в воздух, и та с силой вонзилась в палубную доску.

– Это добрый знак!

Затем старик послунил палец и долго определял им направление почти отсутствующего ветра.

– Зюйд-зюйд-вест! – сказал он, наконец, – Это тоже очень хорошо! Теперь дайте мне монету!

Ему сразу протянули несколько штук. Выбрав одну из них, рулевой несколько раз бросал монету на палубу, и всякий раз она падала кверху гербом.

После этого старик положил свою жилистую руку на плечо Михаила и со значением произнес:

– Этот малый обязательно станет величайшим человеком Голландии и первым среди ее моряков!

– Что же будет делать он на морях? – спросил явно заинтересованный таким предсказанием капитан.

– Он будет сеять ужас врагам Отечества! Кроме этого ему будут кланяться в ноги все короли мира!

– Что ж, – удовлетворенно кивнул головой капитан. – За такое предначертание, не грех, выпить по лишней чарке!

Обрадованные таким поворотом дела матросы тут же подхватили на руки Михаила и начали его качать, выкрикивая:

– Да здравствует наш первый морской герой! Да здравствует маленький спаситель Нидерландов!

Этот небольшой, но весьма многозначительный эпизод из жизни Рюйтера вовсе не досужая выдумка автора. Он был в свое время занесен в скрижали истории!

...Вскоре старание и прилежание юнги были замечены и его, несмотря на явное малолетство, перевели в матросы с постоянным жалованием. Отныне Михаил стал настоящим моряком.

Несколько лет Рюйтер непрерывно плавает на судах все тех же братьев Лампсонов, изредка навещая родителей, братьев и сестер, одаривая их при этом своими скромными подарками. Однажды отец, подвыпив, поинтересовался:

– Ты уже показал себя, как настоящий мужчина! Как бывший моряк я тебя понимаю, но поверь мне, что матросская служба не даст тебе в жизни ничего кроме лихорадки и ревматизма. Не лучше ли теперь, пока не поздно, вернуться на твердую землю и заняться каким-нибудь более спокойным делом, тем более, что сейчас мои дела пошли лучше и мне сейчас нужен помощник в трактире?

В ответ Рюйтер лишь покачал головой:

– Для меня уже поздно что-либо менять! Я человек палубы и большего мне не надо!

– Что ж, – вздохнул отец. – Помогай тебе Бог!

Служба на купеческих судах Рюйтеру и в самом деле нравилась. Жажда приключений и путешествий просто не могла оставить его равнодушным. Казалось, все в его жизни было уже predetermined. Но судьба готовила юному моряку уже первое серьезное испытание.

Глава вторая

Крещение огнем

В 1622 году Испания начала новую агрессию против Генеральных штатов. Войска генерала Спинолы подошли к стенам Берген-оп-Цоома. Со всей Голландии морем в осажденный город перебрасывались подкрепления и военные припасы. Естественно, что Рюйтер тоже не замедлил при случае попасть в родной Берген. Нужда в солдатах была большая, и пятнадцатилетнего матроса только спросили:

– В боях бывал?

– Бывал! – не моргнув, браво солгал Рюйтер.

– Из пушки стрелял?

– Еще как!

– Будешь пушкарем!

В продолжение нескольких последующих недель, пока Спинола не снял осады и не убрался восвояси, Рюйтер все время был при деле на городских кронверках. Под неприятельскими ядрами он проявил мужество и хладнокровие, а при стрельбе завидную сообразительность и отличный глазомер. Городской цейхмейстер, которому приглянулся шустрый мальчишка, прельщал Рюйтера службой пушечной:

– Иди ко мне, всегда при гульденах будешь, да и дома день каждый, это тебе не по морям шляться!

В ответ мальчишка кланялся учтиво, но с достоинством:

– Благодарствую, вас, герр цейхмейстер, но мне моря все же как-то привычней!

Несмотря на все посулы, особого желания покинуть торговый флот у Рюйтера тогда так и не появилось. Едва отгремели выстрелы, он тотчас завербовался на первый попавшийся пузатый купец и ушел в море. Минул год и недавний юнга стал судовым боцманом, заняв должность, к которой подавляющее большинство матросов шло долгие и долгие годы. Тогда же Рюйтер распрощался со своим старым другом и бывшим покровителем негром Жаном Компаном. На прощание они крепко обнялись.

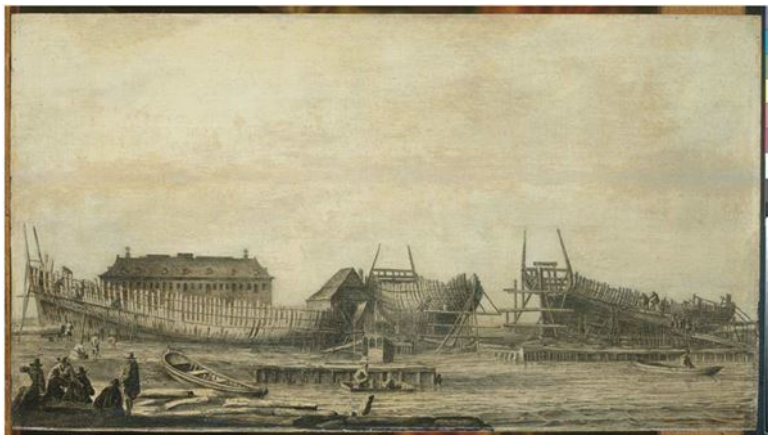
– Как знать, может, когда и свидимся еще! Ведь мир не так уж и велик! – в глазах молодого боцмана стояли слезы.

– О, Михаил! как я хотел бы тебя еще увидеть, прежде чем умру! Это моя самая моя большая мечта и я всегда буду помнить о тебе! – плакал бывший стюард.

Реальная история зачастую дает нам сюжеты, какие не в состоянии придумать и самый изощренный романист. Впереди наших друзей ждет еще одна встреча, но какая!

Дела торговые в ту пору были неотделимы от дел пиратских. В океане друзей не было ни у кого, и каждый в любой момент был готов броситься в погоню за показавшимся на горизонте парусом, чтобы попытаться счастья в схватке за вожавленную добычу. Не избежал подобной участи и наш герой. Однажды судно Рюйтера было внезапно атаковано испанским кораблем. Молодой боцман, очертя голову, первым

бросился на abordаж и был тут же тяжело ранен в голову эспантоном. Тот бой не был удачным для голландцев и судно, и экипаж были пленены. Истекающего кровью Рюйтера победители хладнокровно оставили валяться на палубе, а на следующий день были несказанно удивлены, обнаружив его еще живым. В первом же порту захваченные грузы были проданы, плененная команда отправлена на галеры, а полуживого Рюйтера просто выбросили на пристань.



Верфи адмиралтейства в Амстердаме, 1660, Vankhuysen, Ludolf

Одному богу известно, как выжил тогда молодой моряк. Может, кто-то из сердобольных мамаш сжалился над израненным мальчишкой и выходил его, может, молодой орга-

низм сам превозмог все немочи. История об этом умалчивает. Как бы то ни было, Рюйтер остался жив и, выпрашивая подаяния, стал потихоньку пробираться на родину. Что только не пришлось испытать ему в пути! Рюйтера травили собаками и забрасывали камнями, он спал под заборами и питался отбросами, но, не смотря, ни на что, он упорно шел в Голландию. Спустя несколько месяцев Рюйтер уже дома. Немного придя в себя от пережитого в родительском доме, он вновь заторопится в порт, чтобы записаться на торговое судно.

– Я рад, что приобрел в твоём лице неплохого боцмана! – похлопал Рюйтера, по приходу на судно, знакомый шкипер. Тот поставил на палубу свой деревянный рундук:

– Я буду стараться оправдать ваше доверие, но коль вы столь добры ко мне, то позвольте и мне просить вас об одолжении!

– Слушаю? – удивился шкипер.

– Я много спрашивал, но никак не могу понять, почему посох Якова помогает вычистить только широту нашего места, а не долготу?

– Ты слишком много хочешь знать сразу, а это не так-то просто!

– Тогда я хотел бы, чтобы в свободное от службы время вы обучили меня искусству мореплавания, измерению высот светил и чтению карт! Я же буду в свободное от вахт время во всем помогать вам.

– Что ж, – подумав, кивнул штурман. – Помощник в моем деле на борту, пожалуй, нужен!

Вскоре, освоив основы штурманского ремесла, Рюйтер уже самостоятельно правил судном по солнцу и звездам. Вооружившись градштоком или астролябией, он каждую вахту тщательно мерил угол на Полярную звезду, затем вычитал от девяносто градусов замеренный угол и получал, таким образом, искомую широту. Об особой точности тогда речи не шло, все делалось приблизительно, а потому если в морях, как и раньше, плавали, прежде всего, по береговым ориентирам, то в океанах корабли ходили почти исключительно прямыми углами: вначале прямо по широте, а затем так же прямо на юг или север, в зависимости от необходимости.

Много мороки было и с морскими картами. Хотя голландские зеекарты с разноцветными 16-румбовыми компасными лучами и весьма живописными розами ветров считались в то время самыми точными и совершенными в мире, все обозначения нанесены на них были весьма и весьма приблизительно. В силу этого наряду со знаниями весьма высоко ценился практический опыт и интуиция штурманов. Имена особо одаренных мастеров своего дела были на слуху у всех, судовладельцы переманивали их наперебой к себе и на деньги не скупились, ибо успешность перевозки товаров возмещала все затраты. Как оказалось, Рюйтер весьма быстро завоевал себе имя весьма удачливого штурмана-пилота. У него всего оказалось в досталь: и знаний, и опыта, и особого штурман-

ского чутья, которому никто и никогда не может научить.

По прошествии некоторого времени умелого навигатора заметили судовладельцы и произвели в лоцманы. Отныне уже Рюйтеру было доверено самостоятельно водить суда по морям.

В 1635 году он был послан к Гренландии за китовым жиром-ворванью, но в тот год китов там было мало. Капитан нервничал и тогда Рюйтер предложил:

– Давайте спустимся к Магелановой земле. Там, я слышал, в прошлом году ходили огромные стада кашалотов!

– Но для этого нам придется пробороздить вдоль целый океан! – с сомнением почесал бороду капитан. – Ты ведь еще совсем мальчишка, справишься ли?

– Справлюсь! – упрямо ответил лоцман. – Без прибыли не будем!

Чтобы понять масштаб предлагаемого Рюйтером маневра, сегодняшнему читателю достаточно бросить лишь один взгляд на карту. Даже для нынешних лайнеров этот рейс, перечеркивающий вдоль с севера на юг всю Атлантику был бы не из простых, что уж тогда говорить об утлых суденышках середины семнадцатого века! Но Рюйтер был Рюйтер и его дерзкий бросок от одних ледников к другим, несмотря на все трудности и в правду оказался на редкость удачным. Китобойи обнаружили огромное стадо китов и не отстали от него, пока полностью не забили свои трюмы бочками с остро пахнущей ворванью. Наградой лоцману была лишняя доля с

прибыли, данная ему с общего решения команды.

В один из приходов Рюйтера домой, мать завела с ним давно ожидаемый разговор:

– Михаил! Ты уже в том возрасте, когда пора обзаводиться спутницей жизни, к тому же оклад судового лоцмана позволяет тебе сносно содержать семью.

Рюйтер кивнул. Он особо не возражал.

– У меня и невеста на примете имеется! – продолжала между тем мать.

– Кто же? – оживился сын-лоцман.

– Мария Валтер дочь бочарника Грирскерке. Девушка очень благодетельна, да и отец весьма солиден.

Рюйтер кивнул. Невзрачную скромницу Марию он знал давным-давно и, хотя особой любви к материнской избраннице не питал, возражать особо против ее выбора не стал. Не все ли равно кто будет ждать тебя на берегу!

– Я вовсе не против Марии Валтер! – сказал он матери, собираясь в плавание к далекой Бразилии. – Вот вернусь с деньгами, тогда и о семье можно будет думать!

Вскоре после возвращения из бразильского вояжа состоялась помолвка, а затем и свадьба. Однако семейная идиллия лоцмана Рюйтера оказалось недолгим. Спустя десять месяцев после свадьбы его молодая супруга внезапно умерла при родах. Ненадолго пережила мать и родившаяся дочь. Потерю жены и ребенка Рюйтер переживал тяжело. Может именно поэтому вербует он тогда в самые дальние и опасные

экспедиции.

Именно в это время Рюйтер совершает еще несколько плаваний в Гренландию и к Магеллановой земле. Там не раз, будучи на краю гибели, молодой лоцман спасает свое судно от, казалось бы неминуемой гибели, чем заслуживает искренний восторг команды. Во время одного из таких плаваний команду поразила цинга. У людей кровоточили десны, горстями вываливались зубы, тело покрывалось сплошными гнойниками. Не в силах жевать и глотать матросы буквально умирали от голода. И тогда юный лоцман, сам едва передвигаясь на опухших ногах, готовил им знаменитый "лабскаус" (жидкую кашу из мелко рубленной вареной солонины, перемешанной с соленой селедкой и сдобренную перцем), кормя умирающих чуть ли не с ложки. Таким образом, Рюйтер спас от смерти не одного своего товарища. Естественно, что команда платила за такую человечность любовью и признательностью. Матросы, многим старше его летами, добродушно в шутку именовали своего лоцмана не иначе, как "папаша Рюйтер". Кто мог подумать, что это прозвище останется за Рюйтером на всю его жизнь, приобретя с годами уже не иронично-дружеский, а почтительно-уважительный оттенок.

Океанские плавания, однако, не всегда были успешными. Во время одного из особо яростных штормов судно, на котором служил Рюйтер, потеряв все снасти и мачты, несколько недель носилось по волнам и хотя все уже простились друг с

другом и молились, призывая к себе легкую смерть, в конце концов, он все же чудом осталось на плаву.

По возвращении домой Рюйтер вторично вступает в брак. Жизнь моряка полна опасностей и не слишком длинна, а потому Рюйтер торопился познать и высшее человеческое счастье – свой дом и семью. На сей раз избранницей его стала Корнелия Энгель из городка Флесенгена, что неподалеку от Бергена. С братом Корнелии Рюйтер плавал на одном судне, он то и посоветовал лоцману свою сестру, как девушку хозяйственную и домашнюю. Тогда же Рюйтер на собранные за время плаваний деньги покупает себе небольшой дом. Оклад лоцмана позволяет ему содержать жену, а авторитет опытного и удачливого морехода, смотреть, с уверенностью, в день завтрашний.

– Вот ты и добился всего, чего хотел! – сказал ему отец, наведавшись первый раз в гости. – Большого в жизни тебе ничего и не надо!

– Ты прав, отец! – отвечал ему сын, разливая по кружкам пенное пиво. – О большем я и не мечтаю!

Однако воистину говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. В том же 1636 году молодого лоцмана внезапно пригласили в контору Бергенского общества торговцев.

– Мы несем большие убытки от контрабанды французских и немецких товаров! – заявили там Рюйтеру купеческий старшина Жюст ван Слюйс. – Нам нужно обезопасить себя. Для этого на деньги цеха вооружается судно. Помня

твои заслуги в мореходстве и пушкарский опыт в обороне города, мы решили предоставить его тебе. Ступай и оберегай наши интересы, а мы не забудем о твоих!

– Вы не пожалеете, что назначили для исполнения этого дела именно меня! – ответил Рюйтер и с радостью принялся за подготовку к выходу в море.

Нам неизвестно в точности, почему молодой лоцман столь истово бросился исполнять указание купеческих старшин. Возможно, что причиной тому была возможность достаточно быстро обогатиться, ведь каждое захваченное контрабандное судно приносило немалый процент от перехваченных товаров капитану, это судно захватившего. И все же думается, что главной причиной радости Рюйтера было неожиданно свалившееся на него капитанство, то о чем сын простого трактирщика не мог даже и мечтать.

Глава третья

В капитанах

Стать в двадцать девять лет капитаном в голландском флоте, где опытом многолетних плаваний обладали тогда почти все, начиная с простого матроса, было весьма не просто, а, следовательно, и весьма почетно. Зайдя первый раз в свою новую каюту, Рюйтер первым делом повесил на переборку картину местного художника: яркий натюрморт с сочными гроздьями винограда и букетом бордовых тюльпанов, подаренный ему женой на удачу.

Каким же он был внешне, этот только что назначенный капитан Рюйтер? Один из современников будущего адмирала так описывает его: "Рюйтер был среднего роста, но очень статен. Сложения крепкого и очень ловок. Лоб у него был широкий, цвет лица довольно приятный, глаза живые, даже пронизательные, волосы темные. Он носил густые и вздернутые усы. Его наружность являла вид суровости, смешанной с лаской, внушающею к себе в одно время почтение и любовь. Он был от природы здорового сложения, но в молодости поел ядовитой рыбы, что произвело в его членах легкое трясение, во всю его жизнь продолжавшееся. В зрелых летах у него показалась каменная болезнь, которая иногда причиняла ему ужасные боли. Его природная крепость, подкрепляемая привычкою, позволяли ему легко переносить морские беспокой-

ства. Он был так строг к себе, что смеялся, когда видел матросов, скидывающих с себя мокрое платье. Он не помышлял об отдохновении, как только тогда, когда нечего было делать. Он предпочитал грубую морскую пищу нежным кушаньям. Знатные люди, желавшие его угостить, старались сообщаться с его вкусом. От природы он был красноречив, всегда весьма счастливо объяснялся. Природа одарила его удивительной точностью рассудка. Он тотчас предвидел, что надо делать и находил средства к достижению своей цели. Его суждения всегда были основаны на прочных чувствах великодушия. Он никогда не затруднялся в разговорах с людьми возвышаннее его, даже с герцогами и королями. Он знал и говорил на многих языках, не учась им в школах. Частые во-яжи и долгое пребывание в чужих землях его им научило, а чудесная память способствовала его вниманию и трудам».



*Портрет капитана дальнего плавания, 1667, Vol,
Ferdinand*

В первое же свое крейсерство у побережья Бергена Рюйтер захватил сразу два груженных товарами суда. Одно было из Дюнкерка, другое гамбургское. При этом Рюйтер, пожалуй, впервые, проявил себя и неплохим тактиком, удачно избежав нежелательной встречи поочередно с тринадцатью французскими военными кораблями. Пленение призовых судов внезапно вызвало споры и драки между матросами Рюйтера и командой другого направленного в крейсерство судна, которому повезло значительно меньше.

– Мы захватили, значит и все добро наше! – кричали, надрывая горло, матросы Рюйтера.

– Мы сообща участвовали в крейсерстве, у нас есть раненные, а потому и делиться надо поровну! – не уступала им команда судна неудачника.

Обдумав все, Рюйтер решил делить захваченные товары по справедливости между двумя судами. Решение вызвало столь яростную бурю возмущения на его собственном судне, что Рюйтер должен был прервать плавание и вернуться в Берген. Совет купеческих старейшин, рассмотрев взаимные обвинения капитана и команды, одобрил действия Рюйтера и наказал зачинщиков "призового бунта".

– Справедлив до святости! – долго еще хмыкали его матросы, потирая выпоротые кошками спины.

В течение последующих четырех лет Рюйтер вновь почти непрерывно бороздит океаны. На этот раз уже полновласт-

ным капитаном. Вместе с ним перекочевывает с судна на судно и любимый им натюрморт. Помимо натюрморта капитан принес в свою новую каюту и клетку с цыплятами. Разведение цыплят, кормление и ухаживание за маленькими желтыми комочками было, наверное, самой большой отдушиной Рюйтера в дальних плаваниях. К своим воспитанникам он относился с огромной нежностью, давал им ласковые имена и не разрешал отправлять их на матросский стол. В портах захода он дарил своих подросших цыплят тем из местных начальников, к кому питал симпатию, беря при этом слово, что те не попадут после его ухода в кастрюлю.

Рюйтер много плавает на Антильские острова и в Бразилию, весьма удачно там торгуя и выгодно сбывая голландские товары. Этот период жизни позволил молодому капитану значительно усовершенствовать и свои мореходные познания, теперь уже и в военной области.

В те беспокойные времена торговля всегда соседствовала рядом с пиратами, а потому каждый капитан даже самого мирного транспорта всегда должен был быть начеку. Не раз и не два приходилось встречаться с пиратами в море и молодому Рюйтеру.

Вот как описывает некоторые из таких встреч один из первых биографов будущего адмирала: "В 1643 году на пути в Америку он встретил военный испанский корабль и постарался уклониться, но испанец, нагнав его, дал по нему залп, надеясь утопить. Рюйтер защищался с такой отважностью,

проворством и искусством, что пустил на дно испанца. Тут он показал свое человеколюбие, употребляя все средства к спасению экипажа, сохранив жизнь большей части, в том числе и капитана, к которому обратился с вопросом: "Так ли бы поступили вы с моим экипажем, если бы вам удалось потопить мой корабль?" Капитан отвечал: "Я намеревался всех вас утопить!" Рюйтер, справедливо оскорбленный таким безрассудным ответом, приказал бросить всех испанцев в море. Тотчас начали готовиться к исполнению приказания. Капитан испанский просил о помиловании и Рюйтер охотно согласился. В одном из его вояжей в Сале ему сказали, что пять алжирских кораблей сторожат его, чтобы им овладеть. Он продолжал свой путь и к вечеру остановился на виду алжирцев. Провел тут ночь. С рассветом приготовился к бою. Не ожидая, чтобы на него напали, сам идет на сильнейшего из турецких кораблей, дает по нему залп. Такая неустрашимость ужаснула турка, который, отступив, свалился с другим кораблем и оба принуждены были бежать. Рюйтер поворачивает на третий, дает по нему залп с другого борта, и тем принуждает отступить. Держа остальных двух в страхе, приходит без малейшего повреждения на рейд в Сале. Жители сего города, взиравшие на битву со своих стен, удивлялись неустрашимости и искусству Рюйтера, приняли его с торжеством, провезли его верхом по городу, заставили побитых им пять капитанов сопровождать его пешком, осыпая их возможными оскорблениями.

Возвращаясь из Франции в Голландию, конвоируя множество купеческих судов, остановился на якорь у острова Вайта, пробыв там несколько дней для избежания встречи с дюнкертскими арматорами, крейсировавшими в этих водах. Не упуская благоприятного ветра и по причине приближающейся зимы, Рюйтер решился продолжить путь, пренебрегая опасностями. Другие капитаны осуждали его отважность и отказались ему сопутствовать. Он настоял в своем намерении и чтобы достичь своего желания, придумал средство. Найдя между своими продуктами испортившееся ирландское масло, велел намазать им всю наружность своего корабля и вступил под паруса. Один дюнкеркский арматор напал на него на дороге и свалился на бордаж. Но палуба от намазки маслом так была скользка, что неприятели не могли на ней держаться, падали один на другого, и тут множество их было перебито, а тем временем остальные убрались на свой корабль. Рюйтер спокойно продолжил свой путь, пришел в Флессинген. Прибытием своим он восхитил купцов, хозяев корабельного груза. Все дивились его хитрости.

Не много спустя после того, он начальствовал кораблем, не имевшим более семнадцати человек экипажа и несколько пушек. Завидев дюнкерского корсара с его ста двадцатью членами экипажа и ведущего богатый приз, распустил все паруса, как будто бы в намерении напасть на него. Преднамерение его удалось. Дюнкерц, приняв его за военный корабль, покинул свой приз, чтоб удобнее спастись самому.

Рюйтер подошел к призу, но, опасаясь, чтобы дюнкерек бывший еще невдалеке, не рассмотрел слабости его сил и не воротился бы обратно, он спустил некоторые паруса, как бы разорванные, остановившие его для починки. Увидя дюнкерца, удаляющимся, тотчас переменял курс и с призом пришел домой... "

Практически каждый рейс в Средиземное море был обязательно сопряжен с пиратами. Но Рюйтеру неизменно сопутствовала удача. Дело здесь было даже не столько в везении, а в умении молодого капитана использовать малейший шанс, приносящий успех. Так в один из рейсов, получив сведения о том, что его груженное товарами судно обязательно должны перехватить, Рюйтер немедленно отыскал в одном из ближайших портов зеландский военный корабль и уговорил капитана отконвоировать его домой, пообещав щедро поделиться вырученными за товар деньгами. В Голландии хозяева судна столь щедрым обещанием были поначалу возмущены. Но Рюйтер смог все же убедить их, что поделиться все же лучше, чем потерять все. В следующем рейсе его, однако, все же перехватили французские корсары. Видя, что от погони уже не уйти, Рюйтер сам направился к своим преследователям. Как ни в чем не бывало, он прибыл на борт старшего из них, заявив без обиняков, что он торгует под покровительством Генеральных штатов давних и верных союзников французского короля, который и сам имеет немалый процент с торгового оборота.

– Грабя меня, вы тем самым грабите собственного монарха, а подобное никогда не остается безнаказанным! – заявил Рюйтер в заключение своей речи.

Слова дерзкого голландца свое действие возымели. Все завершилось распитием бутылки вина. Кроме этого один из корсаров был даже выделен для его эскортирования. Прекрасно зарекомендовал себя Рюйтер и как торговец, умело ведя дела, и отстаивая интересы своих хозяев. Биограф будущего флотоводца пишет об одном весьма характерном случае: "... В другой раз он привез в Сале разные товары и выставил их на продажу. Санту или владельцу понравилась штука английского сукна; он стал торговать и предложил цену, гораздо меньшую против требуемой Рюйтером. Сей отвечал, что не может отдать за такую цену. Сант возражает, что она более не стоит. Итак, пусть она останется у меня, сказал Рюйтер. Сант повторяет: я хочу ее иметь и не дам более предложенной мною цены. – А я не могу отдать за меньшую цену, по ее качеству, как чужую собственность лишь поверенную. Сант возразил, что он непременно хочет сие иметь, и чтобы тотчас она была ему уступлена. Рюйтер, видя его горячность, сказал, что он лучше ему ее отдает как подарок. "Как?" – возразил Сант. – "Ты решаешься отдать доверенное тебе чужое добро, а не хочешь продать, за даваемую мною тебе цену?" " Я не могу продать этого сукна за столь низкую цену, не причиняя недоверчивости к ценам всех моих товаров, но я могу без всяких околичностей подарить, в слу-

чае необходимости и в предупреждение худшего следствия!" В конце концов, все завершилось тем, что Рюйтер вынудил гордого правителя африканского города купить у него товар по изначальной цене, а кроме того отныне пользовался у него непререкаемым авторитетом. В этот же период Рюйтер продолжает с увлечением заниматься картографией. Не доверяя старым зеекартам, он постоянно и с видимым удовольствием составляет свои собственные, изучая при каждом удобном случае местные течения и направления ветров.

Ни о чем ином более в своей жизни капитан и не помышлял. Ему нравится плавать и он решает плавать пока позволит здоровье, стремясь при этом приумножить семейный капитал, когда же придет неизбежная старость, он рассчитывает встретить ее у домашнего очага в кругу своих домочадцев. Так складывалась судьба сотен и сотен иных капитанов. Таковую судьбу представлял себе и наш герой. Однако провидению было угодно напрочь перечеркнуть эти скромные мечты капитана из Бергена.

Глава четвертая

Во главе эскадры

Может быть, все сложилось именно так, как представлял себе Рюйтер, если бы в его судьбу не вмешалась большая политика. Дело в том, что в 1639 году внезапно обостряются отношения между Испанией и Голландией. Старая морская держава к этому времени была уже не в силах конкурировать с набирающей день ото дня силу молодой буржуазной республикой, однако амбиции остались прежними. Испания недвусмысленно пригрозила Соединенным провинциям мощью своей армии. В ответ на это к Голландии немедленно примкнула и мятежная Португалия. Ввиду надвигающейся войны, Генеральные Штаты начали вооружение флота в два десятка вымпелов. К этому времени Голландия, несмотря на немалое количество опытных торговых капитанов, почти не имела искусных в военном деле моряков, а потому на командные должности собираемого флота пришлось назначать тех капитанов, кто имел какие-то навыки хотя бы в каперной войне.



*Внезапное нападение голландцев на португальские галеоны в заливе Гоа,
30 сентября 1639, 1653, Anthonissen, Hendrick van*

Все началось с того, что Испания послала через Канал флот в Швецию, с которой у них обострились торговые споры. Так как датский король был в союзе с Мадридом, испанцы намеревались посадить в Дании войска на суда и совместно с датским флотом сделать высадку у Стокгольма. Голландцы решили не пропускать испанский флот. Они собрали 20 судов под командой Тромпа Старшего, с которыми он в сентябре дважды атаковал испанский флот около Дувра. Испанский адмирал Окендо боя не принял, а ушел к английским берегам в Доунс, где стал на якорь. Тромп немедленно блокировал испанцев. Окендо все не решался выйти. Подо-

шедший английский флот был готов обрушиться на того, кто первый начнет бой. Наконец Тромп, получив подкрепление, решил атаковать. Свой флот он разделил на шесть отрядов. Один под начальством де-Витта должен был наблюдать за английской эскадрой, остальные пять предназначались против испанцев. Головной корабль должен был вести против испанского главнокомандующего Окендо сам Тромп; следующий вел Эвертсен, получивший приказание напасть на португальского адмирала. В ночь на 21 октября Тромп немедленно начал атаку. Он повел все свои отряды в строе кильватерных колонн полным ходом, дабы не дать испанцам времени построиться. План удался вполне; испанцы обрубив якорные канаты, не успели выстроить линию, многие суда сталкивались друг с другом, не менее 22 кораблей выбросились на берег. Последние подвергались усиленному обстрелу со стороны голландцев, несмотря на то, что английские береговые батареи их пробовали защищать как находящихся на английской территории; окончательно они были уничтожены брандерами. Эвертсен тем временем сражался с португальским флагманским кораблем La Teresa, самым большим кораблем флота, который затем был взорван брандерами. Всего было уничтожено или захвачено 40 судов. Окендо с дюжиной кораблей выбрался, обогнув мыс Северный Сэндхенд, в открытое море и пошел в Дюнкирк: там впоследствии собралось еще несколько судов. Испанцы потеряли около 7000 человек. Тромп привел в Голландию 14 призов. Ему эта по-

беда стоила всего одного корабля и 100 человек команды.

Рюйтер в битве при Доунсе не участвовал, так как только вернулся из дальнего плавания. Зато сразу попал в новую военную экспедицию.

Адмиралом флота в нее был определен хорошо известный несколькими своими рейдами против контрабандистов и удачной стычкой с пиратами в Карибском море капитан Гузельс. Рюйтеру, помня о его отличии в крейсерстве у Бергена, был дан корабль "Хааз", что в переводе значило заяц. Одновременно с этим тогдашний глава республики принц Оранский назначил Рюйтера и контр-адмиралом, то есть начальником арьергардной эскадры. В виде аванса к будущим подвигам, решением штатов Рюйтер был освобожден от участия в вооружении своего корабля. Это был большой аванс, так как снаряжать корабли приходилось зачастую на свои деньги в счет будущих призовых денег.

Нельзя сказать, чтобы Рюйтер был слишком доволен своим новым назначением. Ему всегда была чужда сама природа войны, и куда ближе были дела сугубо мирные, торговые. На купеческих судах того времени весьма презрительно относились к военным судам, считая, что те намного меньше плавают и еще меньше зарабатывают. Военные суда по этой причине, почему-то, называли "яичными ящиками", а их обитателей "пескарями". Впрочем, это нисколько не мешало купцам с началом очередной войны искать защиты у тех же "яичных ящиков" и смиренно выслушивать указания "пес-

карей". Увы, судьба подшутила над капитаном Рюйтером и всю свою оставшуюся жизнь заниматься именно тем, к чему, казалось бы, не имел никакого призвания. Да еще как заниматься!

В конце июля 1641 года Рюйтер вышел с несколькими кораблями из Флесингена и спустя две недели соединился в море с основными силами адмирала Гузельса. Путь голландского флота лежал к берегам союзной Португалии, где по сведениям уже всю бесчинствовали испанцы. Однако противные ветры задержали плавание флота почти на месяц. Лишь на исходе сентября голландские корабли подошли к Лиссабону. Испанцев там к этому времени естественно уже не было. Вскоре лазутчики донесли, что неприятельский флот находится у Кадикса числом в двадцать четыре корабля. Осторожный Гузельс решил напрасно не рисковать, а, спустившись к мысу Сант-Винцент, подождать там союзные португальский и французский флоты и уже общими силами навалиться и раздавить испанцев.

Однако исполнить задуманное не удалось. Едва голландский флот подошел к мысу, там были усмотрены испанцы. Немедленно началось приготовление к предстоящему испытанию. Корабли напоминали в эти минуты растревоженные улы. Одни возились у орудий, другие обматывали цепями реи, чтобы их тяжелее было перебить, третьи готовились к возможному абордажу. Сражение было неминуемым и оно разразилось. Видя, то столкновения не избежать, и не смотря

на превосходство противника, адмирал Гузельс решил атаковать первым. Бой начался с восходом солнца и продолжался до середины дня. С самого начала каждый из капитанов кораблей действовал по своему собственному усмотрению и выбирал себе противника. Никакого единого построения не было и общее сражение сразу же рассыпалось на большое количество частных поединков, где каждый был сам себе начальник, и вскоре превратилось в самую настоящую свалку. Несмотря на храбрость голландцев, отсутствие у них боевого опыта и численное меньшинство, в конце концов, дало себя знать их морское мастерство и умение лучше использовать ветер. В результате этого боя голландцы потеряли два корабля, один из которых был взят испанцами на абордаж, а второй затонул, разбитый артиллерийским огнем. Впрочем, и испанцам сражение обошлось не дешево. Они так же потеряли два своих корабля и более тысячи человек выбывших из строя.

Бой при мысе Сан-Винцент, несмотря на отсутствие явно-го успеха, стал первым настоящим боевым крещением для Рюйтера. И он выдержал его блестяще. Биограф адмирала по этому поводу писал: " Рюйтер отличился в сей битве особым мужеством и искусством. Он с невероятною неустрашимостью подходил на помощь всем бывшим в опасности и освобождал их от неприятелей. Корабль его был избит как решето".

– Лучше иметь льва, командующего зайцем, чем зайца,

командующего львом! – так сказал адмирал Гузельс, прозрачно намекая на название корабля Рюйтера.

После побоища у Сан-Винцента голландцы вернулись к Лиссабону, где занялись исправлением повреждений. Король Португалии Иоанн Первый довольный, тем, что испанцам все же досталось на орехи, велел снабжать союзников всем необходимым, а каждому из голландских капитанов, участвовавших в бою, прислал по полторы сотни ливров, золотую цепь и медаль со своим изображением.

Историк пишет: «Мы видим Михаила де Рюйтера впервые в должности контр-адмирала; здесь он окончательно укрепил за собой репутацию блестящего моряка. Принц Оранский обратил внимание на этого лихого капитана коммерческого корабля, перевел командиром в военный флот и вскоре предоставил ему должность третьего адмирала, то есть шаутбенахта. Мужество и образцовое маневрирование Рюйтера в последнем сражении дали первое доказательство его выдающихся способностей как флотоводца; только благодаря его храброму нападению, послужившему примером многим другим командирам, голландцы не потерпели тяжелого поражения. Каждый из противников лишился двух кораблей; Рюйтер со своим флагманским кораблем дважды выходил из строя, чтобы заделать пробоины в корпусе».

Исправив повреждения, голландский флот взял курс к родным берегам и в конце января 1642 года Рюйтер уже ошвартовал свой "Хааз" у пристани Флессингена. Больше бо-

евых действий с испанским флотом Генеральные штаты не планировали, а потому быстро распустили и свой. Капитаны и вчерашние адмиралы снова занялись своим привычным делом: купеческими перевозками.

Дома Рюйтера, однако, ждало радостное известие. Жена Корнелия родила ему девочку, нареченную Алидой. Подрастали и старшие: сын Адриан и дочь Корнелия. Немного передохнув, Рюйтер снова нанялся капитаном на большой торговый "индеец". Так именовались в обиходе торговые суда, ходившие на Индию и Америку. Несмотря на свой удачный флотоводческий дебют, о военной карьере Рюйтер, по-прежнему, не мечтает. Ему куда больше нравится водить в океан торговые "индейцы".

Часть вторая

Война с «железнобокими»

Глава первая

Страсти по навигационному акту

Пока Рюйтер занимался своим привычным и любимым торговым делом, в мире произошли весьма важные события. Англичане обезглавили своего короля Карла Первого. Вся власть там перешла к лидеру оппозиции Кромвелю, который был объявлен протектором нации. Победив в гражданской войне, «железнобокие» (так именовали приверженцев Кромвеля за их любовь к военным доспехам) занялись и внешней политикой. Первым делом новый правитель Англии издал, так называемый, Навигационный Акт, объявлявший всем, что англичане отныне являются самыми главными на всех морях и океанах. В практическом плане акт закрывал голландским купцам доступ в порты Англии и Америки. Причина появления Акта была предельно проста. Англичанам не давало покоя торговое первенство голландцев, чей коммерческий флот достиг к этому времени двадцати тысяч судов, плававших во всех частях света, благодаря чему в руки голландских купцов текли баснословные богат-

ства. Морская торговля, как и торговое кораблестроение, сделались почти полной монополией Соединенных провинций. Амстердам стал, по существу, столицей всей мировой торговли, и величайшим хлебным рынком Европы, куда стекались несметные деньги. Там уже всюду процветали первые в мире банки, а предприимчивые голландские купцы уже освоили механизм кредита, о котором в остальных странах еще имели самое смутное представление. Помимо мирового посредничества, в котором предприимчивые голландцы давным-давно оттеснили как испанцев, так и португальцев с итальянцами, им было, что предложить для продажи и самим. Республика находилась на экономическом подъеме. Урожай внутренних провинций были обильны, отсюда непрерывно везли в порты хлеб и масло, сыр и говядину, из Лейдена доставлялось прекрасное сукно, полотно из Гарлема, а фаянс из Дельфта.

С таким размахом торговли Англия пока конкурировать на равных не могла, а потому и решилась на столь откровенный демарш.

Из хроники войны: «Причиной войны была широко распространившаяся по всем морям торговля голландцев, вытеснившая таковую всех других государств. Торговый оборот Голландии превосходил оборот Англии в пять раз.



Республика Семи Объединённых Нижних земель(1581–1795)



Герб Республики Семи Объединённых Нижних земель
Девиз – «Concordia res parvae crescunt» – «Единство это

сила» 27

Голландский рыбный промысел в столько же раз превосходил английский до 1636 г., когда Карл I изгнал голландскую рыболовную флотилию из трех тысяч судов, занимавшуюся сельдяным промыслом у самого английского берега. Потом он снова разрешил ловлю сельдей, но за очень высокое вознаграждение; во времена революции это соглашение было оставлено без внимания. Уже в 1654 г. посланники были отозваны. Кромвель понимал приведенное выше изречение Рейли. К этому надо прибавить также следующее: 1) голландцы объявили торговлю со своими колониями и т. п. монополией; корабль под иностранным флагом они считали призом; 2) победа Тромпа над испанцами на Доунском рейде, следовательно, в английских водах, оставила глубокую обиду в сердцах англичан; 3) гордая своим морским могуществом нация не могла отнестись равнодушно к успехам голландцев в борьбе с Дюнкирскими корсарами. Играла, следовательно, роль как коммерческая, так и чисто военная ревность. Кромвель заявил категорически, что Англия не потерпит появления без ее соизволения флагов других держав в мировом океане.



Большой зал Бинненхоф, Гаага, во время великой встречи Генеральных Штатов в 1651 году, 1671, Delep, Dirck van

Эта ревность выразилась в "Навигационном Акте", изданном в октябре 1651 г., который разрешал торговлю с Англией только на английских судах или на судах государств, из которых этот товар вывозился, причем в последнем случае эти суда должны были идти прямо в Англию, без захода в какие-либо промежуточные порта. Командиры и, по крайней мере, три четверти команды должны были быть англичана-

ми. Суда, не соблюдающие этого акта, подлежали конфискации. В таком же роде были постановления, касающиеся торговли с колониями и рыбного промысла. Тем же актом запрещалась иностранцам прибрежная торговля, а пошлины в некоторых случаях были повышены».



Оливер Кромвель – лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии

Акт был направлен почти исключительно против Голландии, в руках которой была сосредоточена большая часть торговли того времени; голландские порты были самым значительным складочным местом мировой торговли. Помимо этого, чтобы удовлетворить свою «военную ревность», англичане восстановили дерзкое требование прежних времен (эдикт короля Иоанна 1202 года!), чтобы в английских водах все суда спускали свои флаги и марсели перед английским флагом. Даже целые эскадры должны были, таким образом, оказывать почести одному английскому военному кораблю. В понятие "английские воды" – англичане причисляли все Северное море, Канал, Бискайский залив и даже большую часть Северной-Атлантики. Кроме этого, английское правительство выдавало частным судам каперские свидетельства, чтобы получать удовлетворение за свои мнимые убытки, чем наносило громадный вред голландской торговле. На основании Навигационного Акта Англия начала повсюду захватывать голландские суда, что, конечно, вызывало со стороны Нидерландов ответные меры.

Одновременно хитрый Кромвель попытался наладить дипломатические отношения с Голландией, чтобы усыпить бдительность конкурента. Но его послы получили весьма грубый и гордый отказ от предложенного союза. Хитрость протектора была слишком явной, чтобы кто-то на нее попался. Условия, предлагаемые Кромвелем для Генеральных Штатов, его закон о мореплавании больно ударивший по тор-

говым интересам Соединенных Провинций были совершенно неприемлемы и наносили серьезный удар голландской коммерции.

Кромвель отказом от союза оскорбился, и английский парламент немедленно объявил войну Голландии, повелев своим арматорам захватывать голландских купцов как призы. Поняв, что дело зашло довольно далеко, голландцы попытались, было, решить вопрос миром, но было уже поздно. Гвардейцы Кромвеля, прозванные в народе "железнобокими" не только за тяжелые доспехи, но и за завидное упрямство, желали уже не столько отмщения, сколько обогащения. Вместо предложенного любовного мира Кромвель избрал войну.

Британские корсары, почуяв легкую поживу, тем временем устроили на морских дорогах настоящую облаву на голландских торговцев. В ответ на это в Амстердаме было решено снарядить военный флот. Во главе его был поставлен старый морской волк лейтенант-адмирал Мартин Тромп.

А вскоре отыскался и повод для начала широкомасштабных боевых действий. При случайной встрече в море двух небольших эскадр, англичане потребовали от голландцев салютации в свою честь. Те ответили гордым отказом. Тогда англичане дали залп, голландцы ответили тем же. Вскоре в море были уже оба флота. Тромп отстаиваться в гаванях не собирался. Англичане от встречи тоже не уклонялись. И ско-

ро неподалеку от Дувра неприятели сошлись в генеральной схватке. Четыре часа длилось взаимное истребление. Голландцы потеряли при этом два корабля.

После боя, исправив повреждения, Тромп решил идти на север, чтобы прикрыть сельдяные промыслы, имевшие жизненное значение для Соединенных провинций. Там и встретили Тромпа очередные послы, возвращавшиеся морем из Лондона. Они же известили Тромпа, что видели английского адмирала Аска в дюнах с двадцатью кораблями, и уничтожить его там адмиралу не будет представлять особой трудности. Обрадованный этим известием Тромп немедленно взял курс к дюнам, но попал в жесточайший шторм. Тем временем другой английский адмирал Роберт Блэйк ворвался на сельдяную банку и учинил там настоящий погром.



Английский адмирал Роберт Блэйк

Узнав об этом, Тромп бросился, было, вдогонку за разорителем, но угодил в новый шторм и был совершенно рассеян. Очевидец этих событий, один из голландских офицеров, пишет: "Корабли казались похороненными в ужасной морской пучине, выныривая не только для того, чтобы быть подброшенными вверх чутьли не до самых облаков. У одних мачты рушились вниз, у других палубы были сокрыты под бушующими волнами. Буря настолько стала хозяйкой положения, что корабли потеряли всякую возможность управляться. В любой момент можно было ждать катастрофу".

Но все обошлось и флот, хоть и поврежденный смог вернуться в свои базы. Неудача Тромпа, хотя она и не была слишком большой, (ведь война еще только начиналась!) вызвала бурю негодования в Голландии. Адмирала грозились даже отдать под суд, но постепенно дело как-то замяли.

Уничтожение рыбаков требовало немедленного возмездия, и Генеральные штаты решили собрать новый флот в Флеесингене и выслать его в море для защиты коммерции и расправы с зазнавшимися англичанами. Долго думали, кому поручить его под начало. Тромп пребывал в опале и потому, в конце концов, выбор пал на Рюйтера. Однако он в это время только что вернулся из дальнего океанского плавания и, наслаждаясь семейной жизнью, выходить в море особого желания не имел.

– Я уже немало повоевал, а еще больше поплавал! – говорил он посланцам из столицы. – И того и другого вполне достаточно, чтобы обеспечить старость. Я обещал своей супруге быть отныне рядом с ней, и я намерен сдержать свое обещание!

Однако ходоки обратились к патриотическим чувствам Рюйтера, убеждая, что именно от него зависит ныне спасение Родины и Рюйтер, в конце концов, принял предложение Штатов.

Прибыв в Флессинген, он сразу же придирчиво осмотрел все стоявшие там двадцать два боевых корабля и шесть брандеров, определенных ему под начало. Свой флаг Рюйтер поднял на 28-пушечном "Нептуне". Туда же он перенес свой любимый натюрморт и клетку с неизменными цыплятами.

Из хроники войны: «Чтобы правильно судить о последующих событиях, нужно сравнить оба флота. Для этого нельзя ограничиться подсчетом количества судов и команды обеих сторон, следует принять во внимание также и их организацию, поскольку она влияла на ход событий. Соединенные Провинции не были крепко сплоченным государством, с единым правлением или сильной центральной властью. Общие интересы провинций подлежали ведению "Генеральных Штатов", то есть собранию депутатов от каждой провинции. Только опасность войны заставляла их действовать сообща. При сильно выраженной самостоятельности и независимости населения сказывался недостаток в общегосударствен-

ных финансах. Каждая провинция действовала самостоятельно, чтобы собрать предписанную ей Генеральными Штатами часть денег, судов и команд, что вызывало массу лишней переписки и волокиты. Каждая из пяти провинций имела свое адмиралтейство, управлявшее своими судами. Следовательно, во главе флота стояло 5 самостоятельных учреждений, над которыми не было единой власти. Этот недостаток сознавался многими. Существовала партия, желавшая его устранить; но к большому вреду для страны, тут были замешаны и личные интересы. Оранский дом хотел добиться верховной власти; противодействие он встречал, главным образом, в олигархиях главных городов, за которыми стояло большинство в Генеральных Штатах. Обе партии ожесточенно враждовали; из числа республиканских вождей Ольденбарневелт был казнен в 1618 году по наущению Морица Оранского. В рассматриваемое время направление Оранского дома было руководящим, из-за чего армия и флот оставались без верховной военной власти. Подобные разногласия имели и чисто внешние проявления, как, например, споры о кормовом флаге. Похоже, в течение всей этой войны военные суда ходили под оранжево-бело-синим флагом, несмотря на настойчивые требования Генеральных Штатов заменить оранжевый цвет красным».

Глава вторая

Битва при Плимуте

В середине августа 1652 года Рюйтер, поднял свой флаг на 28-пушечном "Нептуне", вывел вверенную ему эскадру в море и взял курс к Па-де-Кале, чтобы дождаться там большой торговый караван и отконвоировать его до родных берегов. Однако попавшийся по пути к Па-де-Кале голландский рыбацкий бот заставил его изменить первоначальное решение. Давний знакомец шкипер рассказал Рюйтеру, что видел накануне английский флот числом более сорока вымпелов между островом Уайтом и Портлендом.

– Все складывается для нас совсем неплохо! – обрадовался к всеобщему удивлению Рюйтер. – Мы настигнем англичан и дадим им на орехи! Это будет лучшей защитой нашего каравана!

Буквально на следующий день еще один рыбацкий шкипер уже более основательно обрисовал Рюйтеру состав неприятельского флота: сорок боевых кораблей, из них двенадцать первого ранга, два второго, кроме этого флот сопровождают пять брандеров.

Рюйтер отнесся и к новому сообщению совершенно спокойно.

– Решение мною уже принято! – объявил он своим засомневающимся капитанам. – Менять что-либо в наших планах

уже не имеет смысла! Пусть англичан больше числом, зато мы превосходим их мастерством и боевым духом! А потому будем драться!

Отправив в Амстердам посыльное судно с просьбой о подкреплении, Рюйтер повернул на пересечку неприятелю, не забывая, впрочем, и о купеческом караване. На траверзе Гравелина он успел присоединить к себе караван в шесть десятков набитых грузом транспортов – "индейцев". Это были суда, идущие с севера от Текселя в заморские порты. Заодно к флоту были присоединены и восемь охранявших караван вооруженных кораблей.

Положение Рюйтера было не из легких. Он по-прежнему здорово уступал англичанам в силах, многие корабли были укомплектованы не полными командами, а кроме этого он был вынужден еще и прикрывать порученный ему конвой. Но адмирал был бодр и весел, нисколько не сомневаясь в своем успехе.

Поднимаясь по Ла-Маншу, на высоте Плимута с салингов дозорных голландских кораблей впередсмотрящие обнаружили англичан. Аск вел свой флот навстречу голландцам на всех парусах. Ему тоже был нужен только успех.



Первая голландская война 1652–1654, А. Willaerts

С каждым часом противники сближались, и столкновение между ними становилось неизбежным. Рюйтер, не теряя времени, разделил свои корабли на три эскадры. Сам при этом возглавил центр, а две другие эскадры поручил опытейшим из капитанов. Купцы были так же наскоро поделены по эскадрам, а тем из них, кто имел по несколько пушек и мог хоть как-то сопротивляться, было велено держаться подле слабейших. Закончив все свои предбоевые перестроения,

Рюйтер снял шляпу и широко перекрестился:

– Ну, помоги нам господь!

Адмирал с тревогой поглядывал на полощущие над его головой многометровые вымпела. Ветер был сейчас явно не в пользу голландцев. Англичанам сегодня повезло даже в этом! Но жребий был брошен, и останавливаться Рюйтер не собирался.

В четыре часа пополудни противники сошлись и почти одновременно разрядили друг в друга пушки. Едва битва началась, как все вокруг заволочло непроницаемыми клубами порохового дыма. Но противников это нисколько не смутило. Не взирая ни на что, они неистово разряжали свои орудия друг в друга, ориентируясь лишь по крикам команд и воплям раненных. В течение четырех часов шла взаимная яростная перестрелка. За это время Рюйтер умудрился дважды прорезать своей эскадрой английскую линию, сея в ней смерть и опустошение. Впервые в истории был применен маневр, который вскоре станет классическим и просуществует до самого конца существования парусного флота.

Но и голландцам пришлось в тот день не просто. Когда в один из моментов боя крупнейшее торговое судно Восточной Индии "Австрия", сражавшееся своими пушками в общем строю, была со всех сторон окружено англичанами и, казалось шансов на спасение более не оставалось, а матросы уже во все горло кричали о сдаче, капитан Донве-Аскес, не теряя времени, схватил зажженный фитиль и бросился к

крыйт-камере.

– Этот фитиль избавит вас от позора плена! – кричал он, потрясая огнем, своей оторопевшей команде. – Клянусь, что я разнесу судно, если услышу еще хотя бы одно слово о сдаче!

Порядок был немедленно восстановлен и "Австрия" продолжила бой. Разъяренный происшедшим, Донве-Аскес дрался теперь с таким неистовством, что один пустил на дно два английских корабля, а третьего своего противника избил до такой степени, что тот вынужден был спастись постыдным бегством. Открыв себе путь, "Австрия" пробилась к своим. Голландцы встретили ее появление приветственными криками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.